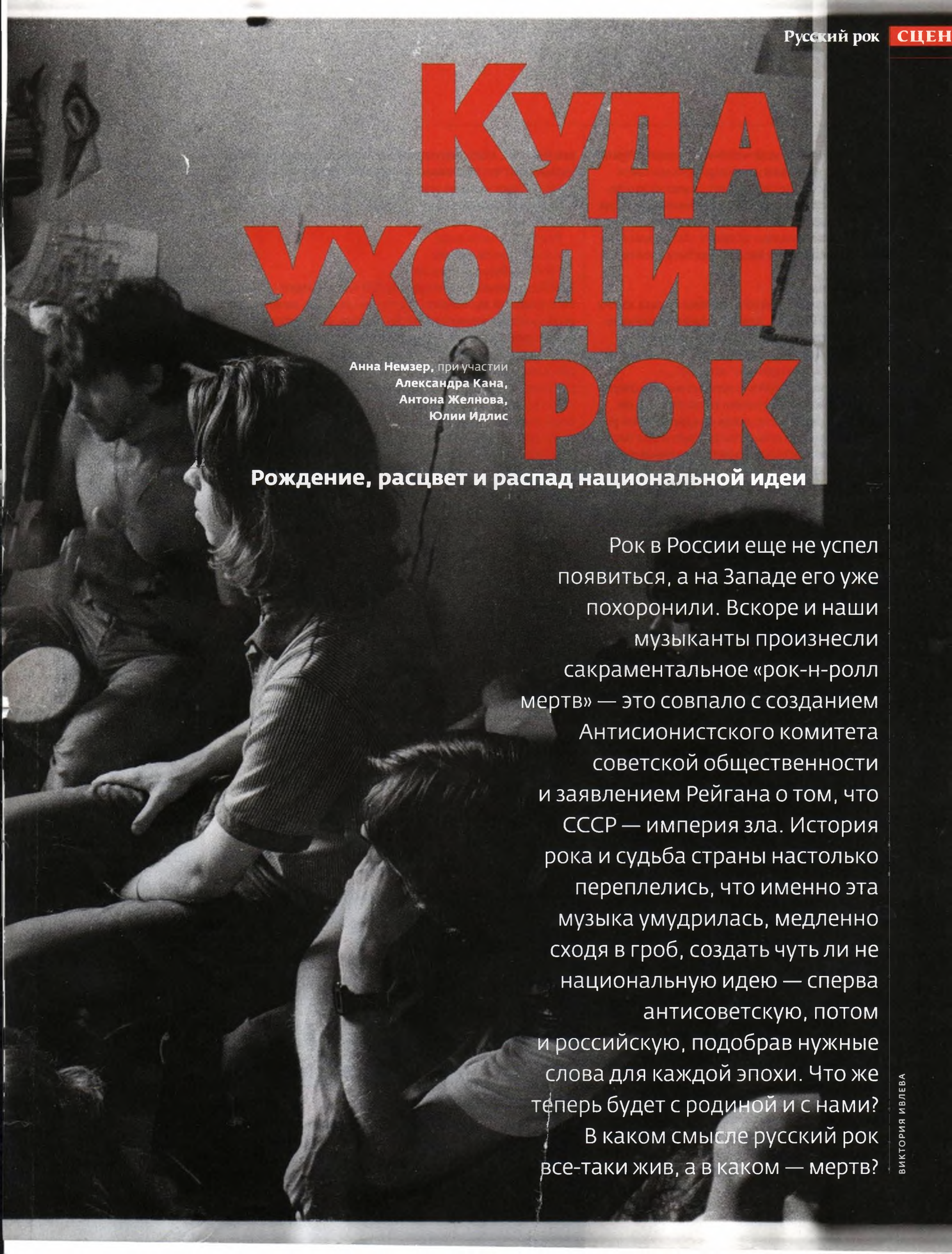


Куда уходит рок

Анна Немзер, при участии
Александра Кана,
Антона Желнова,
Юлии Идлис

Рождение, расцвет и распад национальной идеи

Рок в России еще не успел появиться, а на Западе его уже похоронили. Вскоре и наши музыканты произнесли сакраментальное «рок-н-ролл мертв» — это совпало с созданием Антисионистского комитета советской общественности и заявлением Рейгана о том, что СССР — империя зла. История рока и судьба страны настолько переплелись, что именно эта музыка умудрилась, медленно сходя в гроб, создать чуть ли не национальную идею — сперва антисоветскую, потом и российскую, подобрав нужные слова для каждой эпохи. Что же теперь будет с родиной и с нами? В каком смысле русский рок все-таки жив, а в каком — мертв?

ВИКТОРИЯ ИВЛЕВА

«Я уже не молодой человек, — говорит Гарик Сукачев, один из кумиров рок-расцвета 80-х, — мне скоро 50 лет, и мне надо оставаться только с моим поколением. И когда на наши концерты приходит молодежь, это меня сильно удивляет. Зачем вам нужны мы, если у вас должны быть свои герои рок-н-ролла?!»

Действительно, зачем?

В главном «национально-идейном» фильме начала 2000-х «Брат-2» есть отличный момент. Данила говорит охраннику Ирины Салтыковой: «Слышь, у тебя с Иркой ничего нету? Не, просто она мне очень понравилась... Поет только херню всякую. Ну, то ли дело там "Наутилус" или ДДТ...»

А ведь Данила — молодой парень и слушает вполне современный рок. Но в момент, когда нужна точка отсчета, он вспоминает тех, кто гремел в 80-е, когда сам Данила был ребенком. Они не утратили актуальности для него и для тысяч его ровесников, которые хотят слушать не просто «умца-умца», а о том, «в чем правда».

Зато сами кумиры 80-х сейчас сплошь и рядом отрекаются от своей принадлежности к року, от надоевшего противостояния с попсой, а порой даже и от смысла в текстах. Однако спрос на общую правду поколения заставляет обращаться к героям того времени, когда рок действительно был — и не просто музыкальным жанром в ряду других, а революционно-пророческим явлением.

Конец 70-х — начало 80-х:

«Мы пришли с гитарами». Рождение героя

С чем пришлось столкнуться русскому року, возникшему в разгар брежневского застоя? Для того чтобы это понять, можно вспомнить хотя бы ежегодный фестиваль «Песня года» — квинтэссенцию советской официальной (а другой и не было) попсы. Это был итоговый фестиваль — на сцену выпускали двадцать лучших исполнителей страны. Смотришь на списки лауреатов с 1971-го по 1988-й и пресловутую «стабильность» ощущаешь нутром. Ведь попса рисует свою картину мира ничуть не хуже, чем рок, только цель у нее другая: она честно создает иллюзорную реальность воплощенного идеала.

Набор тем до 1988 года остается неизменным. Получается примерно так: мы очень любим друг друга (большая часть песен — любовная лирика), мы очень любим нашу советскую Родину (одна песня официозно-патриотическая, другая пейзажная), мы все — друзья из союзных республик (одна песня про саму республику, скажем «Молодость моя, Белоруссия», другая — в исполнении какой-нибудь республиканской знаменитости вроде Кола Бельды), мы помним о войне (одна песня обязательно), но будущее в наших детях (кто-нибудь вместе с Большим детским хором Центрального телевидения и Всесоюзного радио — одна песня трогательная, другая шутливая).

Этот монолит просуществовал без малого двадцать лет. Но в 1988 году петь про любовь к «нашей советской Родине» и особенно про «братские союзные республики» стало как-то неудобно, войну 1941–1945 годов заслонили новые войны, хор Всесоюзного радио вырос... Попса тогда заняла оборонительную позицию: стала петь только про любовь — так до сих пор и поет. Рок же был обязан опрокидывать мир и предлагать взамен свой, альтернативный. Какую же картинку рисовали музыканты? Что противопоставляли окружающему монолиту?

Они играют жесткий рок,
А мы свои большие уши
Развесив в розовом бреду,
У всей Европы на виду,
У всей планеты на виду
Терзаем «Верасами» души.

Это знаменитый альбом группы ДДТ «Компромисс» (1983). Он определил два полюса, две точки, ад и рай, между которыми метался рок-музыкант. Во-первых, он яростно и беспощадно выяснял отношения с официальной эстрадой: те самые «Верасы», которыми терзались уши и души, — звезды советской эстрады — оказались не просто исполнителями чуждой нашим рокерам музыки, а принципиальными врагами, вредителями. Во-вторых, наш рок всей душой тянулся с райским кущам — тем, где играют «жесткий рок». Главное было верно определить вектор своего движения и под страхом смерти не идти на компромисс — играть так, как играют «они».

Сравнение и соревнование с западными музыкантами стало страшно популярной темой. В 1982 году Борис Гребенщиков пел:

У нас жизнь — прямо «во»!
По телевизору — Status Quo.
И если мы доживем до седин,
Нам покажут Deep Purple и Zeppelin.

Так он иронически обыгрывал ситуацию на государственном телевидении, которое на самом деле не могло полностью игнорировать рок-н-ролл, а какие-то левацкие и антивоенные песни могло и использовать (вроде куска из композиции Pink Floyd в заставке передачи «Международная панорама»). Но Гребенщиков подсмеивался и над собой: русский рок переживал эпоху ученичества, западная рок-музыка уже становилась классикой, а у нас еще только учились настраивать гитары и извлекать «похожие» звуки. Позже БГ слегка изменил текст, позволив себе, шутя, сдвинуть незыблемые авторитеты:

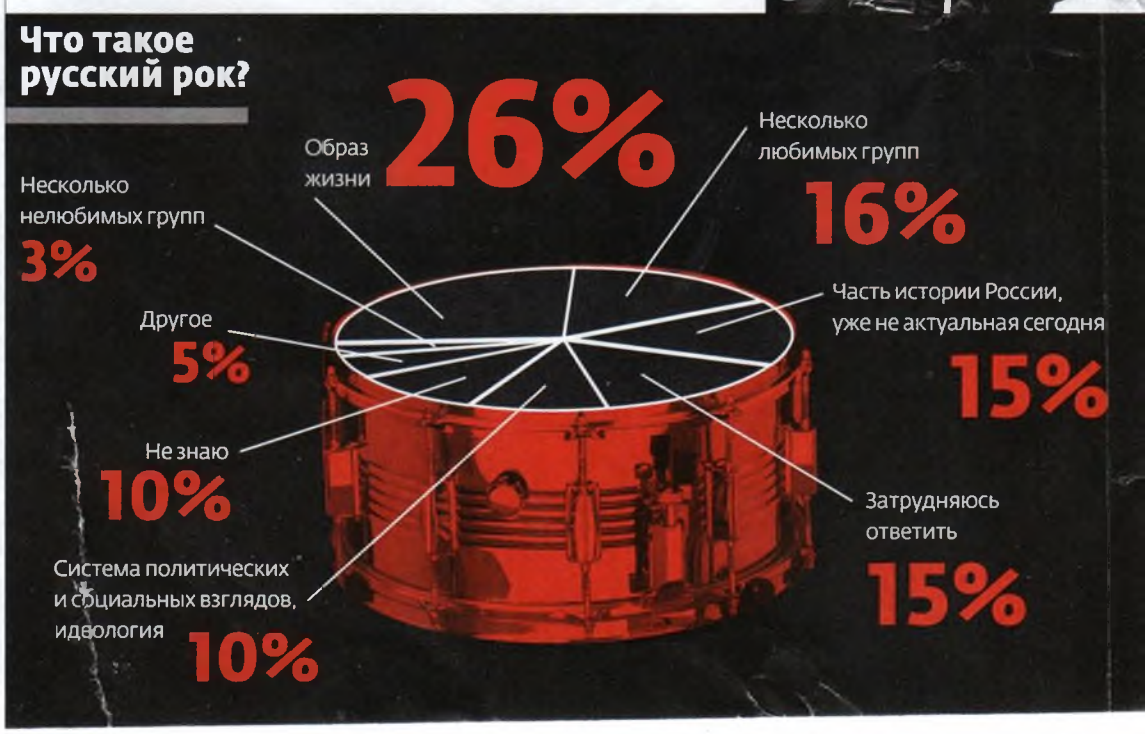
Не нужно слушать уже ничего,
Мы уже играем, как Status Quo,
И если мы доживем до седин,
Мы сыграем, как Deep Purple и Zeppelin.

В 1981 году — это история, стоящая особняком, отдельно от рок-тусовки, но без нее не обойтись — в Ленкоме состоялась премьера рок-оперы «Юнона и Авось» на стихи Андрея Вознесенского и музыку Алексея Рыбникова. Опера взбаламутила

1

2

3



общественность. Бомба таилась не в сюжете — романтической истории любви графа Резанова и юной Кончиты, поразило другое: арии-молитвы, сцены в храме, хор «Аллилуйя». Никогда еще не было на советской сцене религии, которая бы концентрировала в себе столько страсти и драйва. Перед показом спектакля комиссии Министерства культуры режиссер Марк Захаров, говорят, ездил в Елоховский собор ставить свечку к иконе Казанской Божьей Матери, упоминавшейся в опере.

Не зря, видно, ездил — комиссия прошла спокойно, спектакль допустили к показу: всего-то и потребовали вместо «рок-опера» написать «современная опера». Да и тут, скорее всего, просто сработала ассоциация со знаменитой рок-оперой 1970 года «Иисус Христос — суперзвезда» Эндрю Ллойда Веббера: раз рок-опера, значит, что-то религиозное и явно крамольное, причем об этом помнили как создатели «Юноны», так и чиновники, испугавшиеся мятежного термина.

Как бы то ни было, опера стала культурным шоком начала 80-х. Но породили этот шок не музыканты, а в меру оппозиционный поэт и в меру оппозиционный театральный режиссер, никакого отношения к року практически не имевшие. Стало ясно, что рок все настойчивее заявляет свои права, претендуя на место «главного» в искусстве и принимая любые формы — хоть театральной постановки, хоть молитвы. Даже в рамках официальной культуры русский рок с самого начала был больше, чем музыка.

Рок стал почти религией.

В 1978 году Майк и Гребенщиков в песне «Звезда рок-н-ролла» создали жизнеописание рок-музыканта и сформулировали его важнейшие принципы:

Днем у тебя есть все —
Все, ради чего стоит жить:
Дело, друзья, иногда даже деньги,
И вино, и с кем его пить.
Ведь ты — звезда рок-н-ролла
(По крайней мере, так говорят),
И мальчики в грязном и душном кафе
Счастливы встретить твой взгляд
И пожать твою руку.
Но ночью...
Ночью ты опять один.

Так возник стереотипный портрет рок-н-роллыщика — вечно пьяного и гениального. На него молятся, его гнобят, но он всегда абсолютно одинок, он не такой, как все, он весь — сплошная открытая рана. Это удел каждого, кто играет рок, и это был вектор, определивший поведение и самоощущение многих музыкантов на долгие годы.

Конечно, текст — это вольный и немного ироничный «перевод с английского», не столько какой-то конкретной песни, сколько модели поведения. Рок в России еще только рождался: не было ни многотысячных концертов, ни звезд, ни усталости от славы. Но формат требовал своего Джима Моррисона, мессию рок-н-ролла. Который бы взял на себя грехи мира, который «умер у нас на глазах», как позже пел Егор Летов. У нас на глазах умерли Янка Дягилева, Александр Башлачев, Виктор Цой, совсем недавно — Илья Кормильцев и сам Егор Летов.

Русский рок платил предельную цену за право говорить о предельных вещах — о жизни, смерти, душе, вечности. Социальный протест («Мы ждем перемен») был только частью его большой темы. И в таком виде русский рок не мог быть явлением заимствованным — он создал не только своего героя, но и свою уникальную модель мира.

Век жуем матюги с молитвами.
Век живем — хоть шары нам выколи.
Спим да пьем. Сутками и литрами.
Не поем. Петь уже отвыкли... <...>
И пусть разбит батюшка Царь-колокол —
Мы пришли, мы пришли с гитарами.
Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
Околдовали нас первыми ударами...

«Время колокольчиков» Александра Башлачева (1984) — это песня, ставшая гимном и манифестом, совершившая переворот в сознании общества. Башлачев пел о своей стране — но не о Советском Союзе, а о России. Блоковской, пьяной, нищей, голодной, но не советской. Здесь были удаль и кручина, тоска и размах — настоящая былинная страна, не знавшая революции и семидесяти лет страшной власти, потому что Башлачев их просто отменил. Это была новая история страны — и спасти ее должен был рок, то есть те самые «мы», которые пришли с гитарами.

Так появилась «наша» Россия и русский рок.

1987–1992:

«Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра»

Прогулка в парке без дога
Может стать тебе слишком дорого;
Мать учит наизусть телефон морга,
Когда ее нет дома слишком долго.
Отец, приходя, не находит дверей
И плюет в приготовленный ужин.
Она старше, чем мать.
Он должен стать ее мужем.
Первый опыт борьбы против потных рук
Приходит всегда слишком рано.
Любовь — это только лицо на стене.
Любовь — это взгляд с экрана.

Это был шаг поперек Башлачева — не намеренный протест, а просто другой взгляд. Нет никакой «нашей» России — мы все обречены на совок, утверждал в 1986 году «Наутилус Помпилиус», у которого как раз тогда начинались золотые времена. Это самый пронзительный «Наутилус» — с выматывающим душу ломким голосом Бутусова, с самыми дикими текстами Ильи Кормильцева. Чудовищная советская социалка с чернухой, порнухой и полной безысходностью была шваркнута в физиономию обществу — за два года до выхода на экраны «Маленькой Веры». По сути дела, этот фильм-взрыв был предсказан и чуть не по нотам разыгран в песнях «Наутилуса».

Та же обреченность на совок у Михаила Борзыкина из группы «Телевизор» — в песне «Мы идем». За каждым столбом чиновники-соглядатаи, обыватели в поисках попсы, а мы — звезды рок-н-ролла, тусовщики — мы идем, но куда бы ни шли, остаемся на месте, и выхода нет.

К 1987 году русский рок стал явлением такого масштаба, что ему пришлось выйти за пределы музыкальных рамок. В тот год вышли сразу два фильма о русском роке — один документальный, один художественный. В фильме Алексея Учителя «Рок» Виктор Цой, швыряя уголь в топку, сумрачно и невнятно отвечал на вопросы, а Борис ➜

1. Борис Гребенщиков и Майк Науменко (1979)

2. Концерт ДДТ в ленинградском ДК железнодорожников (конец 80-х)

3. Шанина и Караченцов в спектакле «Юнона и Авось» (1985)

4. Концерт группы «Наутилус Помпилиус» (1987)

5. Концерт группы «Кино» в Москве (конец 80-х)

6. Александр Башлачев (выставочный зал «Беляево», 1987)

1

2

3

4

5

Гребенщиков сначала нес сына на плечах по лестнице, а потом выл в микрофон:

Козлы, козлы!
Увязшие в собственной правоте, завязанные в узлы.
Я точно такой же, только хуже,
И я говорю то, что знаю, —
Козлы!

А Юрий Шевчук хрипел на пределе связок:

В этом мире того, что хотелось бы нам, нет!
Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра
<...>
Так что же нам делать, о чем же нам петь?

Антология русского рока, какой стал на тот момент фильм Учителя, должна была бы суммировать опыт прошлых лет, подвести итоги. Отчасти это и было сделано, но еще лучше и четче эта задача была выполнена в «Ассе» Сергея Соловьева — фильме художественном, посвященном отнюдь не рок-музыке. И тем не менее именно «Асса» стала монументальным памятником, самой достоверной фотографией уже уходящей эпохи.

Вокруг нас козлы — но мы тоже козлы, звезды рок-н-ролла, алкоголики, кочегары. Мы ерничаем, кривляемся («Мочалкин блюз»), издеваемся («Старик Козлодоев»), мы пародируем тот уродливый совок, в котором вынуждены жить («ВВС»), и рушим его своим клиническим безумием («Здравствуй, мальчик Бананан»).

Куда деваться из уродливого совка, тоже было ясно: уходить в иные миры, в город золотой над (в фильме поется «под») небом голубым. Так создавалась спасительная Атлантида, которую можно было трактовать на любом смысловом уровне. Можно было прочесть скрытые цитаты из Библии и понять, какой именно золотой город имеется в виду. Можно было увидеть в этом чистую мечту без конкретных очертаний. В том же году Жанна Агузарова поет: «Недавно гостила в волшебной стране» — тут уже и вовсе никаких подтекстов, один только нездешний рай, другой спасительный мир.

Вот она, знаменитая разница между ленинградским и московским роком: первый «тяжелее», нагружен подтекстами и цитатами; второй «легче», попсовее, нацелен больше на трансляцию эмоции, а не смысла. Агузарова, принадлежавшая к московскому рок-клубу, создавала свою Атлантиду, полную света и любви, но любви необычной. Красавица-героиня сама произносила первое признание, ездила на «Чайке», носила туфельки из крокодиловой кожи — все это было откуда-то из заграничного кино, из того мира, который мы сейчас называем гламуром. И эта героиня не меньше, чем ленинградский запойный рок-н-ролльщик, взрывала устои советской эстрады — а значит, и всей системы.

«Асса» не просто суммировала рок-опыт прошлых лет — «Асса» делала выводы и угрожала. Рок (в лице святого мальчика Бананана) был вроде бы убит системой (в лице бандита Крымова), но хрестоматийный финал забивал в эту самую систему осиновый кол: Цой пел гимн «Мы ждем перемен», перекрывая монотонный бубнеж тетки-чиновницы и попутно подпуская шпильку в адрес группы «Машина времени». Те-то в свое время в знаменитой песне «Поворот» встали в позу фаталиста и недотроги: «Всех пугают перемены».

Так рок стал больше, чем религией — дорогой в новую жизнь. Так стало ясно, что выход есть.

В 1988 году прозвучал мощный аккорд жесткого сибирского рока: Егор Летов написал самую знаменитую свою песню «Все идет по плану». Он тоже конструировал свою волшебную страну — этой страной был светлый коммунизм. В 1988 году на заре, но еще не в процессе развала Союза Летов пишет: «А при коммунизме все будет заебись, он наступит скоро, надо только подождать...» А еще через год группа «Хуй забей» удивит слушателей неистовым матом и неистовым же антисоветским пафосом с рефреном «Родина-уродина» (через три года это же сочетание, но в совсем других исторических условиях использует и Юрий Шевчук). Пока ясно одно: система вызывает дикую ярость и уже не вызывает никакого страха. И если Летов уничтожал ее, пламенно веря в светлые идеалы, то «ХЗ», оперируя примерно тем же словарем, ерничает («Я убил свою кошку Мурку за то, что она, вот сука, мурлыкала гимн Союза») и ничего не хочет и не предлагает взамен.

Политически грамотные кошки; крошечные мальчики Банананы, вылезающие из телефонной трубки; люди, у которых 104 головы, — вся эта вдохновенная бредятина тоже становилась способом борьбы. Скоморошество и приведение картины мира к абсурду действовали порой сильнее прямой социалки. Так, в 1991 году Сергей Курехин в программе «Пятое колесо» рассказал на всю страну, что Ленин гриб, а через год на экраны вышел фильм Сергея Дебижева «2 капитана 2» с тем же Курехиным и Гребенщиковым в главных ролях. Это была космически-шизофреническая феерия: в небе появилось второе солнце, активируются белые марроканские карлики, организм неживой материи подталкивает нас к революции. Кругом торжество хаоса, от которого мир спасают два капитана — Курехин и Гребенщиков. Метафоры прозрачнее придумать было нельзя.

90-е:

«Турки строят муляжи святой Руси за полчаса»

К началу 90-х мечта сбылась: рухнула империя, и на обломках самовластья нужно было срочно создавать свою страну. Не мистическую Атлантиду, а ту страну, в которой предстоит жить. Именно в этот момент рок-музыканты, как подорванные, кинулись писать про родину. И у всех она оказалась разная.

Федор Чистяков в альбоме «Песня о безответной любви к родине» отставал от времени: он все еще говорил о старой, навязшей в зубах родине из советского учебника. Шевчук пел: «Еду я на родину» — и это был шаг в ногу со временем: родина здесь была уже явно обновленная, но пока еще уродина или «спящая красавица», от которой следовало ждать сюрпризов. Она была в анамнезе, страшно несчастна, а что ее ждет впереди, было непонятно.

Смелее и сильнее всех вступил Гребенщиков, резко сменивший стилистику, отказавшийся от всего, чем занимался прежде, и записавший «Русский альбом». БГ играл на опережение: он, никого не дожидаясь, уже строил свою родину. Как когда-то у Башлачева, это была Россия, не знавшая Советского Союза, но на этом сходство заканчивается: Гребенщиков создавал свою страну богомольной, хлебосольной, византийской и изысканно красивой. Может быть, эта красота и обеспечила сбой — «Русский альбом», вопреки всем его программным установкам, вызвал крайне неоднозначную реакцию поклонников «Аквариума». Очень многие отнеслись к гребенщиковскому домострою с недоверием.

Оказалось, что выстроить конкретную родину, которая устроит всех, гораздо сложнее, чем грезить об Атлантиде. Пара лет ушла на попытки вылить куда-то острый социальный

ГДЕ СЕГОДНЯ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ТОТ ПРОТЕСТНЫЙ НАСТРОЙ, СОЦИАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ И СУМАСШЕДШИЙ ДРАЙВ, КОТОРЫЕ АССОЦИИРУЮТСЯ С КЛАССИЧЕСКИМ РОКОМ?

НИГДЕ
«Настрой 70–80-х испарился с появлением полной свободы, за которую боролись. Теперь новое поколение носится с ней, как обезьяна с гранатой, и не знает, против чего протестовать» **(продавец-консультант, 20 лет, Ростов-на-Дону)**

23%

ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ
«Я не являюсь поклонником рок-музыки...» **(инженер по технической эксплуатации, 33 года, Павловский Посад)**

20%

В МУЗЫКЕ
«В настоящем роке протест сохранился до сих пор» **(начальник, 28 лет, Москва)**

11%

В КИНО
«В малобюджетных картинах» **(аналитик, 28 лет, Санкт-Петербург)**

5%

2%

В ТЕАТРЕ
«КВН, "Кривое зеркало". Все юмористические программы» **(агроном, 30 лет, Краснодар)**

3%

ДРУГОЕ
«В интернете» **(директор, 45 лет, Екатеринбург)**

«В современном актуальном искусстве» **(рекрутер, 22 года, Москва)**

«В спорте» **(территориальный менеджер, 25 лет, Белгород)**

«В футболе» **(продавец-консультант, 23 года, Москва)**

«В поведении нынешней молодежи» **(заместитель генерального директора, 43 года, Санкт-Петербург)**

9%

НА МИТИНГАХ
«Все остальное — уже не сфера для выражения социального протеста, а виды бизнеса» **(руководитель, 46 лет, Санкт-Петербург)**

9%

НЕ ЗНАЮ
«Полный пофигизм и сплошная говорильня» **(мастер, 48 лет, Вязники)**

14%

ВЕЗДЕ ПОНЕМНОЖКУ
«Все "размазалось", а рокеры повзрослели...» **(руководитель IT-отдела, 38 лет, Екатеринбург)**

4%

В ЛИТЕРАТУРЕ
«У В. Пелевина» **(ассистент аудитора, 22 года, Москва)**

«В пьянстве, бомжовстве, замкнутости, в безразличии, появлении маньяков, несоздании семьи. Сейчас кино, литература, театр, музыка — все коммерческое. А кто коммерцией занимается, с властями бороться не будет. А в митингах участвовать без толку» **(руководитель проекта, 42 года, Москва)**

«В жизни» **(менеджер оперативного отдела, 34 года, Москва)**

«На кухнях. Только драйва нет» **(теплоэнергетик, 25 лет, Москва)**

пафос, а к 1995 году он почти иссяк сам собой. Музыка как будто отказалась брать на себя ответственность за выплескивание эмоций и социального протеста; начались нервические разброд и шатание. Курехин вступил в НБП, Чистяков, выписавшись из психушки, подался в сектанты, группа «Автоматические удовлетворители» распалась на панк и фанк. В результате громким событием 1995 года стал альбом группы «Агата Кристи» «Опиум». Там были приторный декаданс, уводящий далеко от реальности, и прямая пропаганда дури, заявленная не как-нибудь, а непосредственно с экранов телевизоров. Это был уход от реальности, от проблем — гигантская уступка новым временам.

А что, все былые рокеры и панки, Егор Летов например, можно подумать, наркотиков не употребляли? Еще как употребляли! Но в каждой их понюшке кокаина концентрировалось важных смыслов на целую революцию. Здесь же смыслы были посланы куда подальше, тут было забвение ради забвения. «Будем опиум курить-рить-рить». Детский сад какой-то!

Год спустя смысл забрезжил. Но надо признать, его вновь обеспечила сама историческая ситуация. В 1996 году рок-музыканты поддержали Бориса Ельцина во время его предвыборного тура «Голосуй или проиграешь!». Ужас возвращения старых времен оказался живительным и дал музыкантам то, чего так не хватало в последние годы, — протест и драйв.

Но если большая часть рокеров воспринимала Зюганова как реаниматора тоталитаризма, то Летов, разумеется, возлагал на него самые смелые свои надежды — выстроить наконец-таки светлый коммунизм. Поэтому на тех выборах «Гражданская оборона» оказалась с прочими рокерами по разные стороны баррикад.

Впрочем, Летов, в отличие от большинства своих коллег, жил в состоянии войны с окружающим миром всегда, и для его гражданского пафоса не требовалось афродизиака в виде президентских выборов: он и без них горел смыслами и протестами. Для прочих же выборы оказались живительной влагой. Собственно говоря, это был последний раз, когда рок-музыканты сплотились на почве единого восприятия общественно-политических проблем. То была их лебединая песня.

1995–1997:
Шалу-лалу-ла. Рок для среднего класса

Ровно в это время Илья Лагутенко из уже давно существовавшей, но пока мало кому известной группы «Мумий Тролль» пишет альбом «Морская», которым будет покорять столицы. Он совершил важнейший переворот в сознании и рок-музыканта, и рок-слушателя. Если раньше попса и рок существовали на разных полюсах и объединение их было для рокера смерти подобно, то Лагутенко, может, и не свел эти полюса воедино, но уж во всяком случае →

1. Кадр из фильма «Асса»

2. Жанна Агузарова (Москва, 1985)

3. Александр Титов и Борис Гребенщиков на концерте в Ленинграде (конец 80-х)

4. Егор Летов (Санкт-Петербург, 1997)

5. Сергей Курехин выступает в ленинградском Доме молодежи (1989)

Совокупный тираж дисков некоторых рок-звезд

По легальным продажам российская музыкальная индустрия занимает в мире 13-е место, опережая Швейцарию, но уступая Бразилии. Пиратские продажи в 2007 году составляют 70% рынка.

630 000 Земфира
альбомы: Земфира 1999, Прости меня, моя любовь 2000, Четырнадцать недель тишины 2002, Вендетта 2005, Спасибо 2007

400 000 группа «Ленинград»
альбомы: Дачники 2000, Маде ин жопа 2001, Пуля+ 2001, Пираты XXI века 2002, Точка 2002, Для миллионов 2003, Бабаробот 2004, Huinya 2005, Хлеб 2005, Бабье лето 2006, Аврора 2007

250 000 группа «Сплин»
альбомы: Альтависта live 2000, Зн@менатель 2000, 25 кадр 2001, Fellini Tour 2001, Акустика 2002, Новые люди 2003, Черновики (сольный альбом Александра Васильева) 2004, Реверсивная хроника событий 2004, Раздвоение личности 2007, 13 лет в Рок-н-Ролле 2007

200 000 Вячеслав Бутусов
альбомы: Звездный падл 2001, Тихие игры 2001, Имя рек 2003, Биографика 2004, Модель для сборки 2008, Богомол 2008

200 000 группа «Алиса»
альбомы: Солнцеворот 2000, Танцевать 2001, Сейчас позднее, чем ты думаешь 2003, Изгой 2005, Стать Севера 2007, Путь хранителя дверей лабиринта 2008

Культовые команды

Рейтинг упоминаемости
Группы, которые чаще всего упоминали при ответе на вопрос «Что такое русский рок?» респонденты, выбравшие следующий вариант ответа: «Несколько любимых групп (назовите каких)»

1 ДДТ
2 «КИНО»
3 «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС» (И БУТУСОВ)
4 «АЛИСА»
5 «АРИЯ» (И КИПЕЛОВ)
6 «МАШИНА ВРЕМЕНИ»
7 «ЧАЙФ»
8 «АКВАРИУМ» (И БГ)
9 «КОРОЛЬ И ШУТ»
10 «АГАТА КРИСТИ»
11 «БИ-2»
12 «СПЛИН»
13 «ПИЛОТ»
14 ЗЕМФИРА
15 «СУРГАНОВА И ОРКЕСТР» (И «НОЧНЫЕ СНАЙПЕРЫ»)
16 «ПИКНИК»
17 «ЗООПАРК»

существенно их сблизил. Он писал только любовную лирику, и впервые за долгое время это были предельно личные истории. Он создавал свою романтику — сладкую, противноватую, абсолютно новую и ни на что не похожую. Он оперировал странной ломаной лексикой и вместе с ней — атрибутами отъявленной попсы, всеми этими «шалу-лалу-ла», «ла-ла-лай»:

Не хочу быть с тобою больше без тебя <...>

<...> Кот кота ниже живота,
Водку любишь — это трудная вода,
Лампочка — ожерелье голых поп,
Вот и вся любовь. Оп! Оп! Оп!

Все это никак нельзя было назвать попсой, но в ворота рока это тоже не лезло никак. И вот, изобретя, по сути, новый язык и новую музыку эстрадной любви, Лагутенко застолбил за собой термин рокопопс — не им, конечно, изобретенный, но в России ставший синонимом лирики «Мумий Тролля». **Так был убит общественный пафос рока.**

Если Лагутенко позволил себе быть носителем только интонаций и настроений, то появившаяся спустя год группа «Ленинград» вроде бы должна была стать носителем смыслов. Все встрепенулись: в 1997 году, когда Летов, группа «ХЗ» и прочие отъявленные матерщинники уже стали ветеранами, вдруг выяснилось, что именно забубенный мат идет на ура. Впрочем, мат вполне невинный: у Шнурова в первых альбомах — сплошная любовная лирика, так что путаешься в женских именах. Катюха, Таня, Света, Леля-Леля-Леля...

А дальше происходит интересный поворот: рисуя автопортрет («Я дикий мужчина»), Шнур вроде бы возвращается к старейшей рок-традиции самоописания, к той самой «звезде рок-н-ролла». Он, кажется, ровно такой, как надо — небритый, поддатый, играет музыку. А через пару лет, чтоб никому мало не показалось, пишет свой собственный гимн «Звезда рок-н-ролла»:

Клей «Момент» купил за рубль
И пакет к нему купил.
Надышавшись этой дури,
Музыку я полюбил.
Одноклассницу-девчонку
К себе в гости пригласил.
Папа с мамой на работе,
А мы е..ся, что есть сил.
Где же вы, родители?
Куда же смотрит школа?
Так я стал звездою
Рок-н-ролла!

Это было мощное сведение счетов с легендами русского рока и с легендой о русском роке. **Так были убиты светлые идеалы.** Но ладно бы, если бы это убийство обеспечило хоть какой-то новый взрыв. Взрыва не было. Более того, через некоторое время оказалось, что пижон-матерщинник Шнур, ниспровергатель идеалов и обличитель окружающей среды, отлично в эту самую среду вписывается, принимая ее правила игры — менеджеров, налоги, кредиты. А уж такого и в страшном сне не мог представить себе ни один рокер 80-х. **Так стало ясно, что конфликт с окружающим миром исчез.**

2000-е:

Теперь я знаю, кому поет певица Валерия

2000 год — год Земфиры, уже дебютировавшей и к этому моменту записавшей альбом «Прости меня, моя любовь». Земфира пела о любви — у нее, как и у Лагутенко, были странноватые фразы, она брала подкупающе искренними интонациями, но секрет ее успеха крылся не столько в текстах и музыке, сколько в силе, мощной личной харизме и грамотном выстраивании образа.

Так было на заре ее славы, когда тысячи поклонников мучительно пытались и никак не могли разглядеть ее лицо в клипе «Ариведерчи» — тонкий имиджевый ход диковатой девочки Земфиры, до поры до времени скрывавшейся от публики. Так продолжается и теперь, когда певица умно и последовательно создает образ звезды западного типа. Рок-звезды, безусловно, но сейчас это уже исключительно вопрос самоназвания. Земфира может быть жесткой и бросать обвинения погрязшему в попсе обществу:

Эти серые лица не внушают доверия,
Теперь я знаю, кому поет певица Валерия...

Но при этом сама она куда ближе к поп-звезде Валерии, чем к любому из рок-кумиров 80-х. Она создает частную историю любви — точно так же, как в чисто любовную лирику ушла вся попса после распада СССР. И если романтика Агузаровой была пощечиной общественному мнению, то романтика Земфиры ни с чем не вступает в противоречие.

А между тем острая потребность если не в национальной идее, то хоть в каких-то смыслах нарастала и выплеснулась в фильм «Брат- 2» Алексея Балабанова. Саундтрек ко второму «Брату» записывал весь цвет российского рока: Земфира, Чичерина, «Би-2», «Смысловые галлюцинации», «Сплин», «Океан Ельзи» и многие, многие другие. Казалось, культовый фильм, сформулировавший все надежды и стремления молодежи, дает року шанс сказать наконец и свое слово, вернуть утраченные позиции и решительно отмежеваться от попсы. Но отмежеваться не получилось: герой быстро выяснил, что и поп-певицы умеют любить и что никакой рок

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ, «АКВАРИУМ»

— Для меня слово «рок» является ругательным уже давно. Рок, по моему глубокому убеждению, кончился еще в конце 70-х. Когда появился панк, слово «рок» стало старым. В мире все изменилось, а многие стремятся уцепиться за воспоминания своей юности и их не отпускать. Никто не говорит, что эта музыка плохая, эта музыка замечательная. Но она принадлежит прошлому. Есть люди, которым уютно жить в прошлом, — и слава богу, хорошо, пускай. Пусть люди живут в прошлом. Но мне неуютно жить в прошлом.

ВЛАДИМИР ШАХРИН, «ЧАЙФ»

— Рок-музыка — это музыка XX века, и она осталась в XX веке. И поскольку мы, люди оттуда, еще живы, то эта музыка еще существует в своем первозданном виде, в каком она была когда-то придумана. Те, кто начал заниматься этим в начале XXI века, в основном делают стилизацию под рок-музыку. Да, молодежь лучше разбирается в стилях, у них большой выбор инструментов, но при этом они все-таки стилизаторы. Потому что изначально для них это, как правило, перспективная работа. Мы же об этом даже не задумывались. Просто было желание играть эту музыку. Причем мы даже не знали, какую именно. Настолько были увлечены смыслом, а не формой. И когда я слушал первые записи Майка Науменко, «Наутилуса», «Бригады С», у меня мурашки по спине бежали. Сейчас на концертах молодых групп, как бы хорошо они ни смотрелись, мурашки у меня не бегут... Потому что рок — это некое стихийное природное явление. Свобода, выплеск доселе неизвестной энергии, который породил в 50-е, 60-е, 70-е и 80-е годы именно такую музыку. В этом веке у нового поколения появится свой язык, через который оно выльет свою энергию. И вряд ли это будет похоже на традиционный рок. Я очень жду появления этого языка.

ГАРИК СУКАЧЕВ, «НЕПРИКАСАЕМЫЕ»

— В 1968 году либо Джон Моррисон, либо Боб Дилан сказал: «Rock is dead». Рок давно уничтожен средствами массовой информации, огромными деньгами, огромными стадионами. Рок перестал нести в себе протест, революцию. И даже если у группы есть какое-то послание, все равно оно превратится в бренд и будет использовано в коммерческих целях. Люди часто прибегают к понятию «рок» просто как к удобному словцу, не вкладывая в него какой-то глубокий смысл.

ИЛЬЯ ЛАГУТЕНКО, «МУМИЙ ТРОЛЛЬ»

— Русское значение слова «рок» как нельзя лучше определяет, что такое рок-музыка на самом деле. Фатальность. Твой рок, от которого ты никуда не денешься. Мне лично дано это делать так и не иначе — вот что такое рок. Я, например, не могу стать Юрием Шевчуком или группой Iron Maiden. И если Константин Кинчев свой рок определил для себя православием, для меня важно с юмором относиться к тем неожиданным переменам, которые произошли и происходят в нашей стране. Но это не цинизм. Конечно, понятия «честность» и «самоотдача» также являются неотъемлемой частью рок-культуры. Что касаемо нас, то все, что мы пропагандируем, — это особое отношение к жизни или образ жизни, состоящий из массы нюансов, которые даже формулировкам сложно поддаются. Но это для нас важнее любых жанров.

не помешает ему спать с Ирой Салтыковой, классной девчонкой — даром что поет про голубые глазки и нежные ласки.

А что до самого рока, то он ограничился ролью саундтрека. Он не смог совершить того, что сделал в 1987 году в «Ассе», где отодвинул героев с их историей на второй план и сам стал главным героем фильма, совершив революцию в умах миллионов зрителей. Революцию в «Брате» пришлось совершать Даниле Багрову — он сам пер на себе новые смыслы и цели жизни, формулировал постулаты, уничтожал врагов, спасал мир. Именно в нем сконцентрировался весь драйв рок-н-ролла. В нем, а не в саундтреке, которому осталось выполнять чисто орнаментальную функцию.

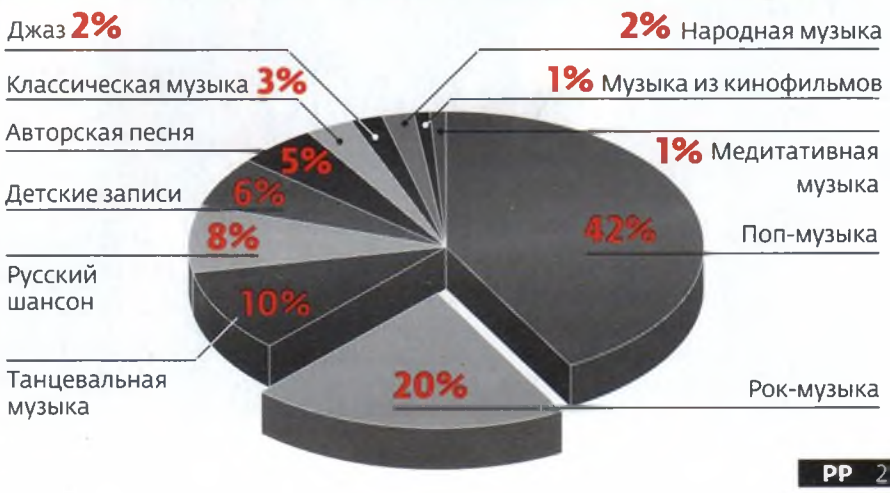
Так рок смирился с тем, что перешел на вторые роли. С этого момента ситуация, кажется, мало изменилась. Так что, в 2000 году рок как национальная революционная идея закончился? Или можно продолжать фиксировать отдельные моменты предполагаемого «конца»? Вот, например, грандиозный прорыв и хохма, адское сближение рока и попсы: в новогоднюю ночь с 2005 на 2006 год по РЕН ТВ показывают выступление певицы Марины Хлебниковой («Солнышко мое, вставай!») с группой «ХЗ». Вот в 2007 году Диана Арбенина из «Ночных снайперов» принимает участие в программе «Первого канала» «Две звезды» и получает награду из рук Аллы Пугачевой. Или рок становится историей, когда котельную «Камчатка», в которой работал Цой, превращают в музей и губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко гарантирует ему неприкосновенность? Так ведь точная дата здесь роли не играет и не даст ответа на сакраментальный вопрос о состоянии русского рока сегодня.

С точки зрения музыки русский рок скорее жив, чем мертв: музыкантов много, все они записывают альбомы, играют на фестивалях, и эти фестивали собирают тысячи рок-фанатов. В этом смысле все нормально.

Русский рок скорее мертв, чем жив — как идеология, как образ жизни и транслятор смыслов. Потому что система, в которой он произрастал, умерла — и это, безусловно, к счастью. Каждый музыкант, как и каждый слушатель, вынужден искать смысл и правду в одиночку, самостоятельно, без искупительной жертвы рок-кумира.

Советская эпоха обеспечивала выигрышные декорации — ментовки, разгромы концертов, котельные. На их фоне рокер всегда казался рыцарем без страха и упрека. Без них он оказался в ситуации тяжелой, но с музыкальной точки зрения, безусловно, более честной. Это чистый эксперимент, дающий возможность трезвой оценки. Это почти гамбургский счет — играть, как Deep Purple и Zeppelin . ➜

Структура российского музыкального рынка



Отныне музыкант должен демонстрировать музыкальный профессионализм, а не радикальную общественно-политическую позицию. Эти позиции девальвировались: их стало много — разных, но равноценных. Шевчук ходит на «Марши несогласных», Земфира поет в лагере «Наших», Вадим Самойлов записывает альбом с Владиславом Сурковым, Кинчев проповедует славянофильство, а Бутусов — православие... **Так богатство выбора уничтожило великую эпоху рока.** Где же искать теперь те смыслы, тот драйв, то единение, что были в русском роке 70-80-х?

В ночь с 21 на 22 июня, когда Россия в четвертьфинале чемпионата Европы по футболу выиграла у Голландии, на Красной площади обнимались незнакомые люди, а водители иномарок братались с водителями «шестерок». Это были те самые драйв и единение.

А рок стал просто музыкой, которая транслирует смыслы наравне с кино, литературой, изобразительным искусством и т. д. Хотите единения и драйва, которые были его отличительной чертой в 70-80-е? Ищите их в других сферах. И скорее всего, в тех, что имеют мало общего с авангардом и революционным протестом, в самых что ни на есть массовых и «попсовых» — как, например, футбол. **PP**

PHOTOXPRESS; ЛАУРА ИЛЬИНА; ИТАР-ТАСС

Рок-фестиваль

Несмотря ни на что, рок-тусовки собирают громадные аудитории. Так, с 4 по 6 июля в Тверской области состоится очередной фестиваль «Нашествие». В этом году устроители заявили об участии в нем более 120 музыкальных коллективов, а число зрителей, по оценкам, достигнет 100 тыс. человек.
Сегодняшний рок-фестиваль на открытом воздухе — это грандиозное массовое шоу с разнообразной программой. В частности, «Русский репортер» проводит в его рамках футбольный турнир, в котором может принять участие любой желающий.

Рок-фестиваль «Нашествие» — цифры и факты

10 важных рок-альбомов последнего десятилетия

1. «Сплин» «Гранатовый альбом» 1998
Страшноватая социалка — вроде как у «Наутилуса» в лучшие годы — оказывается несерьезной. Экзистенциальный слом оборачивается фарсом:
«Она ходила голой на лестницу,
Ходила голой на улицу.
Она хотела даже повеситься,
Но институт, экзамены, сессия»

2. Земфира «Прости меня, моя любовь» 2000
Качественная и приумненная женская любовная лирика: «Пожалуйста, не умирай... Я искала тебя... Хочешь сладких апельсинов... Ее никто не ждет, не хочет ее тела... Я же расплакалась, я не железная... Не отпускай меня...»

3. Летов «Звездопад» 2002
Кавер-версии советских песен, странное и обаятельное смешение Пахмутовой — Добронравова, Анчарова, Высоцкого и Гладкова. Летов в очередной раз умудрился на почве советского мифа создать сказку с драйвом, удалью, махновщиной и счастливым концом.

4. Вадим Самойлов, Владислав Сурков «Полуострова» 2003
Совместный проект рок-музыканта и крупного чиновника, выполненный в стилистике фэнтези. Черные всадники, дети среди ржи, яд роз, алый шелк, ледяные цветы. Не без обычного для «Агаты Кристи» декадентского душка.

5. «Ю-Питер» «Биографика» 2004
В самом хитовом альбоме Бутусова ю-питерской эпохи три композиции были посвящены памяти ушедших друзей: Виктора Цоя, Сергея Курехина и Сергея Бодрова-младшего. К ним прибавились два мелодических хита: «Девушка по городу» и «Песня идущего домой», и успех был обеспечен.

6. «Ногу свело» «Рекламное место сдается» 2004
На диске был один сингл:
«Музыка предназначена для заполнения пауз между рекламными роликами.
Мир создан для рекламы.
От начала композиции до звукового сигнала прошло 37 секунд.
Все это время могло быть использовано для размещения рекламы вашей фирмы.
Однако эфирное время бесплатно досталось группе "Ногу свело"...»

7. Борис Гребенщиков «Zoom zoom zoom» 2005
С изяществом, остроумием и простотой старого «Аквариума» Гребенщиков смешивает ямайское регги, африканские пляски и индийское кино; многие композиции тянут на хиты, например гимн пофигизму очень пришелся ко двору.

8. «Сурганова и оркестр» «Возлюбленная Шопена» 2005
Немного цитат из Листа и Шопена, стихи Гумилева и Ахматовой, робкое обращение на «вы» — так найдена девичья искренность, свежая и трогательная интонация.

9. «Аукцыон» «Девушки поют» 2007
«Аукцыон» вообще числится по ведомству русского рока более или менее случайно: музыканты очень давно отказались от трансляции смыслов, сконцентрировавшись на звучании. Но формальные признаки — принадлежность к одной тусовке, кассета в серии «Легенды русского рока» — позволили записать группу в пантеон. Альбом получился сильнейший, ехидный и свежий — после одиннадцатилетнего перерыва. Арт-джаз, не имеющий к року никакого отношения.

10. «Мумий Тролль» «Амба» 2007
Простой гитарный альбом без особенных технических наворотов, зато с очевидными хитами — «Бермуды», «Ru.Da», «Гори. Это все». «Кусая все твои губы, компостер жестокий я, а ты моя Королева Рока! Королева Рока!» — бодрая бредятина текстов, анализировать которые смысла нет, потому что смысла нет. Все выстроено на лагутенковских интонациях, на которые либо подсаживаешься, как на наркотик, либо их не перевариваешь.